

ФАКТОР ДОВЕРИЯ

Д. Е. Сорокин

В статье обосновывается тезис, что обязательным условием успеха экономических реформ является не только их научная обоснованность, но и общественное доверие к проводникам этих реформ. Данный вывод опирается на исторический зарубежный и отечественный опыт реформирования. В этой связи особое внимание уделяется анализу динамики советской экономики в ходе реформы 1965 г. и последнего десятилетия СССР.

Ключевые слова: общественное доверие, экономические реформы, отечественный опыт реформирования.

Реалии российской экономики выдвигают на первый план для научного экономического общества задачу предложить пути перехода к устойчивому развитию. Представители всех науч-

ных школ едины в понимании, что материальной базой такого развития является диверсифицированная экономика, производящая конкурентоспособные на внутреннем и внешнем рынках товары конечного (потребительского и инвестиционного) спроса, а также востребованные международными технологическими цепочками на высоких стадиях переработки, либо формирующая такие цепочки. Более того, соответствующие задачи, начиная с первой попытки в истории современной России создания долгосрочной стратегии развития¹, последовательно формулируются в документах, определяющих экономическую политику. Однако, как

известно, статистически значимых сдвигов в этом направлении не происходит.

Экономическое экспертное сообщество сегодня в целом едино и во мнении, что сложившаяся система экономических отношений не способна осуществить переход от нынешней экспортоориентированной сырьевой модели к желаемому результату и потому нуждается в реформировании. Диапазон спектра предложений о путях такого реформирования лежит между крайними вариантами — от полной свободы предпринимательской деятельности до мобилизационного сценария, опирающегося на силу государства. Не вдаваясь в дискуссии о сравнительных преимуществах (адекватности сложившимся экономическим реалиям) предлагаемых моделей преобразований, представляется, что за пределами этих дискуссий зачистую остается одно из важнейших условий их осуществимости.

В сентябре прошлого года научное экономическое сообщество в той или иной форме отмечало 50-летие начала т. н. «косыгинской реформы». Впоследствии за восьмой советской пятилеткой (1966–1970 гг.), когда активно осу-

¹ В проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу, подготовленном в 2000 г. в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.12.1999 г. № 2021-р., предполагалось, что «на третьем, инновационном этапе развития (2007–2010 гг.) будут созданы научно-технические и производственные предпосылки для кардинального технологического перевооружения основных экономически значимых секторов производства и увеличения доли современной конкурентоспособной на мировом уровне продукции. Будут созданы условия для переключения спроса на отечественные инновации».

ществлялись мероприятия, предусмотренные реформой, закрепился эпитет «золотая». Это было не случайно, так как в ее ходе был обеспечен перелом в сложившемся послевоенном тренде замедления темпов экономического роста (см. табл. 1).

Несложные расчеты показывают, что это падение темпов привело к тому, что абсолютный размер среднегодового прироста произведенного национального дохода в 1961–1965 гг. остался на уровне предшествующего пятилетия. И это несмотря на то, что к началу 1960-х гг. страна располагала в промышленности в 1,7 раза большей величиной основных производственных фондов, чем в середине 1950-х гг. Вместе с тем, подводя итоги 1959–1965 гг., XXIII съезд КПСС констатировал факты торможения технического прогресса, низкой эффективности производства и качества продукции, распыления капиталовложений и т. п.¹

При этом подчеркивалось, что экономический успех восьмой (1966–1970 гг.) пятилетки был обеспечен теми методами планирования и экономического стимулирования, которые предусматривались в решениях сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, принятых по докладу тогдашнего Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Последующее возвращение к тренду, приведшему к тому, что «темпы экономического роста упали до уровня, который фактически означал наступление экономической стагнации»², закончившийся крахом советской экономической системы, объяснялось отступлением от принципов реформы.

Оставляя в стороне вопросы о том, могла ли реформа придать новый импульс экономическому развитию при сохранении базовых основ экономической системы СССР, и причинах ее последующего свертывания, отметим, что статистические данные заставляют, как минимум, усомниться, что перелом в темпах экономического роста был обеспечен только включением механизмов экономического стимулирования производителей.

Действительно, уже в 1966 г., когда предприятия стали переводиться на новые методы хозяйствования, темпы экономического роста по важнейшим макроэкономическим показателям оказались выше сложившихся в предшествующей пятилетке (см. табл. 2).

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. II. С. 32–33.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 25–26 июня 1987 года. М.: Политиздат, 1987. С. 38.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста произведенного национального дохода, %

Годы	Прирост
1946–1950	14,9
1951–1955	11,4
1956–1960	9,1
1961–1965	6,5
1966–1970	7,8
1971–1975	5,7
1976–1980	4,3
1981–1985	3,6
1986–1990	1,4

Источник: здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата (Госкомстата СССР).

Таблица 2

Экономическая динамика, приросты в %

Показатель	1961–1965 гг. (среднегодовой)	1966
Объем промышленного производства	8,6	8,7
Производительность труда в промышленности	4,6	5,2
Произведенный национальный доход	6,5	8,1
Общественная производительность труда	5,2	7,0

Однако нельзя не отметить, что при увеличении темпов прироста промышленного производства в 1966 г. на 0,1 п.п. и производительности труда в промышленности на 0,6 п.п. по сравнению со среднегодовыми в период 1961–1965 гг., увеличение темпов прироста произведенного национального дохода и общественной производительности труда произошло на существенно большую величину: 1,6 п.п. и 1,8 п.п. соответственно. Неизбежно возникает вопрос: могли ли отмеченные приросты в промышленности оказать такое значимое воздействие на сводные макроэкономические показатели? Этот вопрос тем более правомерен в свете того, что в 1966 г. на принципах экономической реформы работало всего 1,5 % промышленных предприятий, производящих 8 % всей продукции промышленности. Какими бы ни были сдвиги в результатах производства на столь небольшом количестве предприятий, они не могли сколь-нибудь существенно сказаться на динамике роста всей промышленности и тем более на темпах роста экономики в целом.

Увеличение темпов прироста промышленного производства в следующем, 1967 году, до 10 процентов, а производительности труда в промышленности до 6,7 % уже может быть объяснено ростом количества предприятий, перешедших на новые условия хозяйствования (15 %), и соответственно значительным (до 37 %) ростом доли промышленной продукции, выпускаемой на этих предприятиях. Однако, если это так, то почему в следующем — 1968 г., когда уже более половины промышленных предприятий (54 %), выпускавших 72 % всей промышленной продукции, работало в новых условиях хозяйствования, темпы прироста производства и производительности труда в промышленности снизились до 8,3 и 5,2 процента соответственно? При этом темп прироста промышленного производства оказался ниже, чем в 1965 и 1966 гг., а производительности труда — на уровне 1966 г. А в 1969 г., когда 72 % промышленных предприятий, выпускавших почти 84 % промышленной продукции, работало в новых условиях, все названные показатели оказались на уровне или ниже дореформенного 1965 г. Получается, что весь экономический эффект реформы ограничился 1966–1967 гг., когда лишь незначительная часть предприятий хозяйствовала по-новому.

Представляется, что «эффект 1966–1967 гг.» может быть объяснен не только результатом использования новых методов хозяйствования, но и другими факторами.

Речь идет о том, что в конце 1964 г. произошла смена руководства страны. Эта смена породила массовое ожидание неких позитивных перемен в общественной жизни. В течение 1965 г. эти ожидания были подкреплены целым рядом решений нового руководства, направленных на развитие экономической самостоятельности (мартовский 1965 г. Пленум ЦК КПСС, положивший начало переменам в сельском хозяйстве), и рядом положительных сдвигов во внешнеполитической сфере, в частности, курсом на преодоление противоречий с Китаем. В результате общество как бы выдало некий «кредит доверия» действиям новых руководителей. Этот «кредит» реализовался на производстве через включение организационных резервов, позволяющих устранить накопившиеся к тому времени потери от бесхозяйственности, порождаемой сложившейся экономической системой, что и повело к «эффекту 1966–1967 гг.». Такое предположение подкрепляется фактом, что увеличение темпов прироста наметилось уже в 1965 г., когда новые

методы хозяйствования еще не применялись¹. При этом, хотя реформа затрагивала только промышленность, аналогичную динамику продемонстрировали и отрасли, не затронутые ею². Соответственно становится понятным, почему при незначительном числе предприятий промышленности, работающих в новых условиях, вся промышленность, а также произведенный национальный доход, демонстрировали положительную динамику.

Однако, как отмечают многие исследователи, методы хозяйствования, предлагаемые «косыгинской реформой», в принципе не могли сработать при сохранении основ советской экономической системы, сопровождаемой к тому же высочайшим уровнем монополизации советского хозяйства³. Логика реформы требовала изменений базовых экономических отношений — отношения государственной собственности на средства производства, что в свою очередь неизбежно повело бы к изменению всей системы социально-политических отношений. Неважно, в силу каких причин тогдашнее руководство страны не смогло пойти по этому пути. В результате, чем большее число предприятий переходило на новые методы хозяйствования, тем больше увеличивались диспропорции в финансово-экономической области, что не могло не сказаться на социальной сфере, и соответственно происходило исчерпание ранее выданного «кредита доверия», что и послужило одной из причин снижения темпов роста в 1968 г., несмотря на рост числа предприятий, перешедших на новые методы хозяйствования.

Целый ряд исторических фактов подтверждают тезис о необходимости общественного доверия как обязательного условия экономического успеха.

Вспомним последнее десятилетие существования СССР (см. табл. 3).

После «периода застоя» 1970-х гг. в 1983 г. происходит «всплеск» темпов экономического роста. Конечно, сыграли свою роль методы

¹ Прирост промышленного производства по итогам 1965 г. составил те же 8,7 %, что и в 1966 г., прирост производительности труда в промышленности и произведенный национальный доход на 0,1 и 0,4 п.п. соответственно оказались выше, чем среднегодовые в период 1961–1965 гг.

² Так в строительстве темпы прироста ввода основных фондов в 1966 г. составили 6,3 % (в 1,7 раза выше, чем в 1965 г.), а в 1967 г. увеличились до 7,8 %. Однако в 1968 г. они снизились в 2,5 раза, оказавшись ниже уровня 1965 г.

³ В 1990 г. 30–40 % промышленной (в том числе 87 % машиностроительной) продукции выпускалось одним производителем [5, с. 164].

Таблица 3

Прирост произведенного национального дохода СССР, % к предшествующему году

Показатель	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Прирост НД	3,9	4,2	2,9	3,5	4,1	1,6	4,4	2,9	-4,0

жесткого административного нажима по укреплению трудовой дисциплины и наведению элементарного порядка. Но нельзя отрицать, что пришедший к рулю высшей государственной власти Ю. Андропов породил позитивные общественные ожидания. Когда же в 1984 г. к власти приходит К. Черненко, олицетворявший в общественном сознании так называемую «эпоху застоя», в обществе вновь стали преобладать настроения разочарования, что неизбежно нашло свое отражение в падении темпов экономического роста.

1985–1986 гг. — к власти приходит новое лицо — М. Горбачев, резко разрывающий с «застойным периодом». И хотя еще никаких изменений в системе экономических отношений не произошло, фактор доверия к новому руководству опять выражается в увеличении темпов экономического роста.

1987 г. — год дискуссий и неопределенностей. Темпы вновь снижаются. Но принятие целого ряда достаточно радикальных экономических решений об индивидуальной трудовой деятельности, о кооперативах, о предприятиях вновь «включает» фактор доверия, что выражается в увеличении темпов в 1988 г.

Конечно, фундаментальной причиной последующего «вползания» страны в экономический кризис явилась принципиальная неспособность сложившейся в СССР экономической системы к саморазвитию. Однако то, что переход к иной системе сопровождался не трансформационной рецессией, а экономической катастрофой 1990-х гг., во многом объясняется именно утратой общественного доверия.

Теоретически возможность трансформации советской экономической системы в рыночную без катастрофических последствий 1991–1998 гг. вполне очевидна, а практика ряда стран ЦВЕ, КНР, Вьетнама показывает ее практическую осуществимость. Более того, усилиями российских ученых-экономистов был создан сценарий такой трансформации, получивший одобрение на Всесоюзной научно-практической конференции (г. Москва, ноябрь 1989 г.) [4]. На основе этого сценария правительством Рыжкова — Абалкина была подготовлена программа такого перехода. Однако, как известно, она была отвергнута и на практике был осуществлен именно радикальный вариант. И это несмотря на то, что в итоговом документе

конференции были удивительно (для непрофессионалов) точно, как показала практика 1990-х гг., спрогнозированы последствия осуществленного на практике т. н. радикального варианта.

Представляется, что дело не в том, что предлагаемая трансформация требовала относительно большого временного промежутка, так как структурная перестройка производства в направлении, позволяющем запустить механизмы рыночной конкуренции и создание инфраструктуры рынка, включая информационную¹, не могла быть осуществлена моментально, а радикальный вариант обещал такой переход максимум за «500 дней». Главная причина отторжения варианта, предлагаемого Правительством СССР, была иной.

Возможность осуществления радикальных перемен во многом определяется степенью общественного доверия к их проводникам. Если бы трансформация российской экономической системы происходила в условиях, когда носители государственной власти, выступавшие в качестве реформаторов, пользовались общественным доверием, то она (трансформация) вполне была бы осуществима. Однако в силу целого ряда факторов, в том числе лежащих в свойствах созданной политической системы, союзный центр был настолько дискредитирован в массовом общественном сознании, что общество «автоматически» отторгло любые действия или предложения тех, кто представлял этот центр, независимо от их разумно-

¹ Современные информационные технологии делают общественное производство транспарентным, не только предоставляя доступ всем агентам экономической жизни к информации о ситуации в экономическом пространстве на всех его уровнях в режиме реального времени, но и позволяя прогнозировать варианты изменения «экономического климата» в результате тех или иных действий. Ч. Макмиллан писал об «информационном облаке», окутывающем производителей и потребителей, выходящих на современный рынок [2, с. 129]. «Прозрачность» экономической жизни преодолевает экономическое обособление производителей, позволяет им принимать решения «со знанием дела». Тем самым происходит снятие противоречия между общественным характером производства и частным присвоением его средств и результатов. «Неизвестный» для своих агентов рынок, выступающий в качестве внешней среды, изменяющей свои характеристики независимым и непознаваемым образом, становится атрибутом прошлой экономической эпохи (см. также: [3, с. 52]).

сти. В этих условиях общественное сознание с легкостью усваивало любые, включая откровенно шарлатанские, «рецепты», если они «прописывались» теми, кто не был включен в институты центральной власти или — еще лучше — ассоциировался с противостоянием ей. Соответственно политики же, стремящиеся «перехватить» власть, не могли не учитывать такие общественные настроения¹.

По сути в конце 1980-х гг. в России воспроизвелась ситуация 1917 г. Представим на минуту, что в январе 1917 г. тогдашнее правительство выдвинуло бы абсолютно разумную программу вывода страны из системного кризиса. Не было бы Февральской революции? Государственная власть к тому моменту практически полностью утратила доверие во всех слоях российского общества, и потому независимо от того, какие бы действия она ни предпринимала, они отторгались именно потому, что исходили от власти.

И наоборот. Неужели только меры принуждения обеспечили индустриальный успех России в 1930-х гг. и быстрое восстановление экономики, разрушенной Второй мировой войной? Неужели только погоня за «длинными деньгами» формировала студенческие строительные отряды, обеспечивала строительство гигантских гидроэлектростанций и освоение целинных земель в середине прошлого века?

Значимость общественного доверия как фактора экономического роста демонстрирует и зарубежный опыт. Только ли экономические механизмы, получившие впоследствии название «кейнсианства», способствовали успеху «Нового курса» Ф. Рузвельта? А какую долю этого успеха обеспечили «беседы у камина», которые руководитель государства систематически вел с обществом, убеждая слушателей в верности проводимых реформ? Только ли экономическая логика реформ Л. Эрхарда способствовала послевоенному возрождению Германии? А японское «экономическое чудо»?

Исторический опыт, как отечественный, так и зарубежный, показывает: возможность экономических преобразований определяется не только материально-организационными условиями, но и состоянием общественного сознания. Если последнее в силу тех или иных

причин отторгает эти преобразования, то их осуществление — даже если они лежат в русле объективно необходимых перемен — либо становится невозможным, либо подвергается таким деформациям, что конечный результат оказывается далек от желаемого. В этом смысле общественное сознание выступает как объективный фактор функционирования экономической системы.

Сегодня общественной критике подвергаются преобразования, осуществляемые в системе здравоохранения. Тем не менее допустим, что сама реформа здравоохранения была достаточно хорошо выверена. Вместе с тем, в начале этой реформы на седьмом Пироговском съезде врачей (Москва, ноябрь 2010 г.) были оглашены результаты опроса 80 тыс. врачей всех специальностей во всех субъектах РФ, проведенного Российской медицинской ассоциацией. Согласно данным этого опроса 93 % респондентов оценили состояние здравоохранения в тот период как кризисное. Таким образом необходимость его преобразования признавалось практически абсолютным большинством. Однако при этом 87 % респондентов выразили согласие с тезисом, что начавшиеся реформы окончательно разрушают систему здравоохранения.

Можно, конечно, сослаться на известный консерватизм общественного сознания, с остороженностью относящегося к радикальным переменам и потому зачастую порождающего нежелание действовать по-новому. Но когда подавляющее большинство тех, кому предстоит работать по-новому, отторгает предлагаемые перемены, то последние, как бы необходимы и целесообразны они ни были, неизбежно подвергнутся таким деформациям, которые неизбежно сведут на нет ожидаемые позитивные результаты.

Ныне, когда экономическая динамика России указывает, что ее негативный тренд является результатом не стечения конъюнктурных обстоятельств (падение нефтяных цен, «война санкций»), а порождена фундаментальными свойствами сложившейся экономической системы, общество вновь стоит перед необходимостью достаточно глубокого ее реформирования. При этом важно помнить, что обязательным условием успеха любых реформ является доверие общества к их проводникам. Без общественного доверия к тем, кто будет осуществлять эти реформы, они обречены на неудачу.

Проблема обретения такого доверия — не экономическая, а обществоведческая. Поэтому

¹ Л. Абалкин, описывая события того периода, вспоминал, как он спрашивал многих депутатов Верховного Совета России, практически единодушно одобивших программу «500 дней»: «А как бы вы голосовали за ту же самую программу, без каких-либо изменений, если бы под ней стояли подписи Рыжков — Абалкин? Все отвечали однозначно: против» [1, с. 43].

при формировании «дорожной карты» реформ нельзя ограничиться лишь узкоэкономическим подходом. Необходимо привлечение к этой работе профессионалов, обладающих знаниями того, каким образом формировать в данном конкретном обществе критическую массу сторонников реформ, как обеспечить «настройку» общественного сознания на толерантное к ним отношение и поддержку.

Сейчас же ясно одно: постоянно повторяемый тезис о необходимости ради светлого

будущего пойти на «непопулярные (иначе говоря, ухудшающие условия существования большинства населения) реформы», не уточняющий хотя бы приблизительно, когда наступит это самое «светлое будущее», превратившийся у некоторых представителей экономических властей и экспертов в своеобразную мантру, вряд ли работает на то самое общественное доверие, которое является абсолютно необходимым фактором перехода к устойчивому экономическому росту.

Список источников

1. Абалкин Л. И. Зигзаги судьбы: разочарования и надежды. — М.: Институт экономики РАН, 1996. — 289 с.
2. Макмиллан Ч. Японская промышленная система. — М.: Прогресс, 1988. — 399 с.
3. Ольсевич Ю. Парадоксы или новые тенденции // Коммунист. — 1989. — № 6. — С. 48–57.
4. Радикальная экономическая реформа. Первоочередные и долговременные меры // Экономическая газета. — 1989. — № 43.
5. Розенталь В. О. Институциональные факторы реформирования российской экономики // Эволюционная экономика и «мейнстрим». — М.: Наука, 2000 — С. 157–166.